

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

*New York Times
Book Review*

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Погоня
за матерью

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут

Погоня за матерью

«Азбука-Аттикус»

1963

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Погоня за матерью / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1963 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-21992-2

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. Люси Вэлдон, вдове успешного писателя, подкидывают младенца с запиской, в которой говорится, что отцом этого младенца является ее покойный муж. Люси нанимает знаменитого сыщика, чтобы тот нашел мать ребенка. Но стоило Вулфу начать поиски, как убивают главного свидетеля...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-21992-2

© Стаут Р. Т., 1963
© Азбука-Аттикус, 1963

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Рекс Стаут

Погоня за матерью

Rex Stout
THE MOTHER HUNT

Copyright © 1963 by Rex Stout

© А. В. Санин, перевод, 2007

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

Глава 1

Дело это началось во вторник, в один из первых дней июня. Утром, в начале двенадцатого, в нашу дверь позвонили, и я, выйдя в прихожую, посмотрел в одностороннее стекло и увидел именно то, а точнее – ту, что и ожидал: лицо чуть-чуть узковато, серые глаза немного великоваты, а фигура излишне, на мой вкус, худощавая. Я знал, *кто* эта женщина, потому что накануне днем она позвонила и условилась о встрече, и хорошо представлял, как она выглядит, поскольку несколько раз видел ее в театрах или ресторанах.

Кроме того, я знал про нее вполне достаточно – из газет и понаслышке, – чтобы просветить на ее счет Ниро Вулфа, не прибегая к помощи архивных материалов. Она была вдовой Ричарда Вэлдона, писателя, который девять месяцев назад нелепо погиб: утонул в бассейне, когда гостил у какого-то своего приятеля в Уэстчестере. Учитывая, что из всех его романов четыре стали бестселлерами, причем тираж одного из них – «Оставь мечты навек» – при продажной цене 5 долларов 95 центов перевалил за миллион экземпляров, вдова вполне могла позволить себе оплачивать счета за услуги частного сыщика, вздумай она прибегнуть к его услугам. Пять или шесть лет назад Вулф прочитал «Оставь мечты навек», а потом ловко от него избавился, подарив какой-то библиотеке, однако о романе «Только его облик» у Вулфа сложилось лучшее мнение, и роман этот даже удостоился места на книжной полке. Вероятно, именно этим объяснялось то, что он соизволил не только поднять свою тушу из кресла, когда я ввел в кабинет миссис Вэлдон, но и стоя дождался, пока я не усадил гостью в красное кожаное кресло у его стола. Сам же я, по обыкновению, уселся за собственным столом, но адреналин в моей крови не бурлил. По телефону вдова сказала, что хочет посоветоваться с Вулфом по делу не только деликатному, но и конфиденциальному, однако вовсе не производила впечатления человека, попавшего в беду. Похоже было, что поводом для ее прихода послужило анонимное письмо или какой-нибудь пропавший родственник.

Положив сумочку на столик у кресла, посетительница обвела глазами кабинет, на мгновение стрельнула большими серыми глазами в меня, после чего наконец обратилась к Вулфу:

– Моему мужу понравилась бы эта комната.

– Одна из его книг мне тоже понравилась, хотя и не целиком, – хмыкнув, сказал Вулф. – Сколько лет ему было, когда он умер?

– Сорок два.

– А вам сколько?

Это он уже ради меня старался. Дело в том, что Вулф свято убежден в трех заповедях, а именно: а) его неприязнь к женскому полу не позволяет ему составить правильное мнение ни об одной особе; б) мне достаточно провести час в обществе любой женщины, чтобы понять ее как облупленную; в) он может оказать мне неоценимую услугу, задав какой-нибудь грубый и невежливый вопрос. «Сколько вам лет?» – его излюбленный. И переупрямить Вулфа – задача безнадежная.

Но Люси Вэлдон обижаться не стала. Напротив, она улыбнулась и ответила:

– Лет мне много, даже, я бы сказала, чересчур. Двадцать шесть. Так что у меня достаточно жизненного опыта, чтобы понять, когда мне нужна помощь. Так вот, речь идет о том, чтобы... вообще-то, мое дело чрезвычайно конфиденциальное. – И она красноречиво посмотрела на меня.

– Да, так всегда бывает, – кивнул Вулф. – В профессиональном смысле слова мы с мистром Гудвином неразделимы, как сиамские близнецы. Что же касается конфиденциальности, то я не думаю, что вы совершили серьезное преступление. Не так ли?

Она снова улыбнулась. Едва заметно, но искренне и душевно.

– Нет, что вы, у меня бы духу не хватило. Конечно же, ни о каком преступлении речь не идет. Я просто хочу, чтобы вы помогли мне разыскать одного человека.

«Ну вот, – подумал я, – началось. Кузина Милдред куда-то запропастилась, и тетя Агата попросила богатую племянницу нанять частного детектива для ее розысков».

Однако Люси Вэлдон продолжила:

– История эта... ну... словом, она совершенно невероятная. У меня в доме появился маленький ребенок, и я хочу знать, кто его мать. Дело, как я уже говорила, весьма деликатное и конфиденциальное, хотя это и не абсолютный секрет. Моя горничная и повариха, например, в курсе, а также мой адвокат и еще двое друзей, но и только. Видите ли, я еще не уверена, готова ли оставить его у себя насовсем... Я имею в виду младенца.

Вулф взирал на нее мрачнее тучи:

– Мадам, я не специалист по младенцам.

– Не сомневаюсь. От вас мне нужно... Сейчас я все объясню по порядку. Ребенок находится у меня уже полмесяца. Ровно две недели назад, в воскресенье, двадцатого мая раздался телефонный звонок и незнакомый голос сообщил, что у парадной двери моего дома меня кое-что ждет. Я вышла и обнаружила у входа младенца, завернутого в одеяло. Я подняла его, внесла домой и распеленала. К изнанке одеяльца была пришпилена записка.

Она взяла со столика сумочку, открыла и, когда я уже подскочил, чтобы выхватить из ее руки смертоносное оружие, извлекла на свет божий листок бумаги. Для того чтобы прочесть записку, мне хватило одного взгляда, однако передавать ее Вулфу через стол я не стал. Вместо этого я обогнул стол, вручил записку Вулфу и остановился рядом, чтобы рассмотреть ее получше. Это был лист стандартной дешевой бумаги размером четыре дюйма на шесть, а само послание в пять кособоких строк было отпечатано с помощью детского набора резиновых штампов. Оно было лаконичное и не содержало ничего лишнего:

МИССИС РИЧАРД ВЭЛДОН
ПРИМИТЕ ЭТОГО РЕБЕНКА
ПОТОМУ ЧТО МАЛЬЧИК
ДОЛЖЕН ЖИТЬ
В ДОМЕ СВОЕГО ОТЦА

Возле одного угла виднелись две дырочки от булавки. Вулф положил бумагу на стол, внимательно посмотрел на миссис Вэлдон и спросил:

– Это так?

– Не знаю, – честно призналась она. – Да и откуда мне знать? Хотя я вполне допускаю, что это возможно.

– Просто возможно или вполне вероятно?

– Трудно сказать. Пожалуй, последнее. – Она закрыла сумочку и положила на прежнее место. – Вполне вероятно, что такое могло случиться. – Люси небрежно махнула рукой, и я успел разглядеть обручальное кольцо. Затем снова поочередно обвела взглядом нас с Вулфом. – Видите ли, дело это очень личное.

– Да, я уже понял.

– Так что... словом, мне хотелось бы, чтобы вы это помнили. Мы с Диком сочетались браком почти два года назад. Через месяц как раз годовщина будет. Мы с ним любили друг друга, я до сих пор в этом убеждена, хотя у меня в мозгу подспудно свербело, что Дик – такая знаменитая личность и я стану миссис Ричард Вэлдон. Тогда как он... ну, в общем, он тоже помнил, кто я такая. В девичестве я носила фамилию Армстед. Не знаю, догадывался ли он об этом раньше, но потом, когда мы уже жили вместе, наверняка понял, насколько мне осточертела моя прежняя фамилия. – Она перевела дух, затем продолжила: – До брака со мной Дик слыл настоящим донжуаном, хотя репутация его была, на мой взгляд, во многом приду-

мана – так обычно и бывает. В течение первых двух месяцев мы с ним буквально не вылезали из... – Она осеклась и закрыла глаза, впрочем ненадолго. – Для меня в эти дни ничего и никого больше не существовало. Словно время остановилось. Думаю, и он чувствовал то же самое. Даже уверена. А вот потом, точно не знаю, но, по-моему, все немного изменилось. За последний год своей жизни Дик, возможно, и встречался с женщиной. Может, даже с двумя. Или с целой дюжиной, не знаю. Допускаю только, что это вполне возможно. Так что этот ребенок... как я сказала? Ах да, вполне вероятно, что такое могло случиться. Вы понимаете?

– Пока – да, – кивнул Вулф. – И что вас заботит?

– Как – что? Младенец, конечно. В свое время я и сама хотела завести ребенка, даже двоих или троих, да и Дик тоже об этом мечтал, однако тогда я решила, что торопиться не стоит. Отложила на потом. До сих пор простить себе этого не могу. Дик умер, а я... Мы с ним так и не завели детишек. И вот теперь у меня появился ребенок, возможно его сын. – Она указала пальцем на листок бумаги, который лежал перед Вулфом. – Думаю, что как здесь написано, так и должно быть. Мальчик должен жить в доме своего отца и уж тем более носить отцовскую фамилию. Загвоздка лишь в том, чтобы установить, является ли Ричард Вэлдон его настоящим отцом или нет. – Она выразительно развела руками. – Теперь понимаете?

– Пф! – фыркнул Вулф. – Это установить невозможно, и вы сами это знаете. Гомер сказал: «Ни одному человеку не дано узнать, кто его отец». Шекспир выразился еще яснее: «Лишь мудрец способен распознать плод от дерева своего». Я не в силах вам помочь, мадам. Ни я, ни кто-либо другой.

Она снисходительно улыбнулась:

– Я тоже могу сказать «пф!». Вы, безусловно, способны мне помочь. Я прекрасно понимаю, что вам не удастся доказать, в самом ли деле именно Дик зачал этого ребенка, однако вы можете узнать, кто подбросил его и кто его мать. И тогда мы можем... Вот, смотрите. – Она достала еще одну бумагу, не похожую на первую. – Я уже все рассчитала. По словам доктора, мальчику в тот день, когда я нашла его, то есть двадцатого мая, было четыре месяца. Это я и использовала как точку отсчета. – Она кинула взгляд на бумагу. – На свет он появился, таким образом, двадцатого января, а зачат был, следовательно, в конце апреля прошлого года. Когда вы узнаете, кто его мать, то сможете выяснить все подробности насчет нее с Диком. Насколько вероятно, что они в это время встречались и тому подобное. Разумеется, это не докажет, что именно Дик – отец подкидыша, однако нам уже будет от чего оттолкнуться. С другой стороны, если выяснится, что это розыгрыш и Дик никак не мог быть отцом этого малыша, то для меня это тоже крайне важно. Понимаете, да? Так что первым делом необходимо выяснить, кто подкинул младенца и кто его мать. Потом, наверное, мне самой захочется кое о чем ее расспросить, но только... Ладно, поживем – увидим.

Вулф откинулся на спинку кресла и исподлобья посмотрел на посетительницу. Это началось походившее на работу, отказаться от которой он мог разве что по совершенно надуманной и высосанной из пальца причине. Работу Вулф и без того на дух не выносил, а сейчас, когда его банковский счет был вполне благополучен, ему претила даже сама мысль о ней.

– Вы слишком многого от меня хотите, – возразил он. – Я ведь не чародей, миссис Вэлдон.

– Ну разумеется, – поспешно согласилась она. – Но разве не вы лучший сыщик в мире?

– Вполне возможно, что нет, – поскромничал Вулф. – Не исключено, что лучший сыщик в мире – неграмотный дикарь из какого-нибудь богом забытого племени. Вы сказали, что ваш адвокат знает про подкинутого младенца. А известно ему, что вы решили обратиться ко мне?

– Да, и он это не одобряет. Говорит, что оставить ребенка у себя будет с моей стороны величайшей глупостью. Он, правда, по моему настоянию уже устроил так, чтобы в соответствии с законом я могла временно держать подкидыша у себя, но категорически возражает против поисков его матери. Хотя это уже мое личное дело. Ему остается одно: свято и неукоснительно соблюдать букву закона.

Сама того не подозревая, она угодила в яблочко. Даже Вулф, с его внушительным лексиконом, не выразил бы лучше своего отношения к адвокатской братии.

– Сомневаюсь, – насупив брови, произнес он, – что вы как следует взвесили все трудности, которые вас подстерегают. Расследование почти наверняка затянется, обойдется вам в круглую сумму и, скорее всего, плодов не принесет.

– Да, я знаю, – кивнула миссис Вэлдон. – И повторяю: я понимаю, что вы не чародей.

– По карману ли вам мои услуги? Я беру дорого.

– И это мне известно. Бабушка оставила мне наследство, кроме того, я получаю отчисления от продаж книг моего покойного мужа. И свой дом я уже выкупила. – Она улыбнулась. – Если хотите взглянуть на мою налоговую декларацию, то мой адвокат вам ее предоставит.

– Это не обязательно. Расследование может занять несколько недель, месяц, даже год.

– Ничего страшного. По словам моего адвоката, временное опекуновство над ребенком можно продлевать через каждый месяц. И так до бесконечности.

Вулф взял со стола полученный от нее лист бумаги, еще раз пробежал его глазами, затем отложил в сторону и взглянул на миссис Вэлдон.

– Вам следовало обратиться ко мне раньше, – сурово сказал он. – Или не обращаться вовсе.

– Я только вчера приняла окончательное решение, – отрезала гостя.

Вулф попытался ухватиться за соломинку:

– Возможно, мы уже опоздали. С того воскресенья, двадцатого мая, прошло шестнадцать дней. Вам позвонили днем?

– Нет, вечером. В начале одиннадцатого.

– Мужчина или женщина?

– Я в этом не уверена. Мне показалось, что говорил мужчина, который пытался изменить голос на женский. Либо, наоборот, звонила женщина, которая старалась, чтобы ее приняли за мужчину. Точно сказать не могу.

– А к чему вы больше склоняетесь?

– Не знаю. А гадать не хочу.

– Что вам было сказано? Попытайтесь вспомнить дословно.

– Дома я была одна, потому что горничную отпустила. Я сняла трубку и сказала: «Резиденция миссис Вэлдон». Незнакомый голос спросил: «Это миссис Вэлдон?» Я ответила, что да, и тогда голос продолжил: «Подойдите к парадной двери – там для вас кое-что лежит». И трубку повесили. Я вышла и... Остальное вы знаете. Я занесла младенца внутрь, вызвала своего врача...

– Не торопитесь, пожалуйста. Скажите, вы находились дома целый день?

– Нет, я уезжала за город на весь уик-энд. Домой вернулась около восьми. Поздно вечером в воскресенье я не езжу из-за вечных пробок.

– Куда именно вы ездили?

– Недалеко от Уэстпорта. К Джулиану Хафту. Это издатель Дика.

– Где находится Уэстпорт?

Глаза миссис Вэлдон в недоумении расширились. Я же и ухом не повел. Тем, что Вулф не знает про окрестности Нью-Йорка, можно заполнить целый атлас.

– Как – где? В Коннектикуте, конечно, – ответила она. – Округ Фэрфилд.

– Во сколько вы оттуда выехали?

– В начале седьмого.

– На машине? У вас свой автомобиль?

– Да.

– С шофером?

– Нет, я сама вожу машину.

– Вас кто-нибудь сопровождал?

– Нет, я была одна. – Миссис Вэлдон выразительно покрутила рукой, на пальце которой красовалось обручальное кольцо. – Вы, конечно, детектив, мистер Вулф, но, признаться, я не вижу смысла в ваших расспросах.

– В таком случае вы просто не пытались пошевелить мозгами! – отбрил Вулф и выразительно посмотрел на меня. – Растолкуй ей, Арчи!

Он намеренно дерзил ей и, не желая расходовать силу своего интеллекта на объяснение очевидного, поручил это мне. Я, разумеется, упираться не стал.

– Должно быть, миссис Вэлдон, заботы о младенце отняли у вас слишком много умственной энергии, – начал я. – Допустим, что подбросил его я. Причем сначала оставил ребенка под вашей дверью, а потом вам позвонил. Я поступил бы так только в том случае, если бы точно знал, что вы дома и подойдете к телефону. Вполне возможно, что я околачивался около вашего дома, дожидаясь, пока вы появитесь, либо просто заметил в окнах свет, либо же, что наиболее вероятно, знал, что вы уехали на весь уик-энд и собираетесь вернуться вечером. Не исключено, что мне даже было известно, в котором часу вы выехали из Уэстпорта. Возьмем, предположим, последний вопрос: сопровождал ли вас кто-нибудь? Если да, то это был бы наиболее простой и верный способ узнать, во сколько вы вернулись. Так что, ответ вы на этот вопрос утвердительно, следующий вопрос гласил бы: кто? Вот и все.

– О господи! – Глаза миссис Вэлдон полезли на лоб. – Неужели кто-то из моих знакомых... – Не договорив, она обратилась к Вулфу: – Хорошо. Можете спрашивать все. Что вам угодно.

– Не угодно, – проворчал Вулф, – а необходимо. В том случае, разумеется, если я соглашусь взяться за ваше дело. Итак, дом у вас собственный. Где он находится?

– На Одиннадцатой улице, неподалеку от Пятой авеню. Достался мне по наследству. Его возвел еще мой прадед. Когда я говорила, что мне до смерти осточертела моя прежняя фамилия – Армстед, – то не имела в виду дом. Это наш фамильный особняк, и я обожаю его. Дик тоже любил его.

– Вы сдаете комнаты внаем? Жильцов пускаете?

– Нет. Хотя теперь – кто знает...

– Горничная и кухарка проживают в вашем доме?

– Да.

– Кто-нибудь еще?

– Нет. Прислуга приходит только по будням.

– Могла горничная или кухарка в январе произвести на свет ребенка?

Миссис Вэлдон снисходительно улыбнулась:

– Только не кухарка. Но и горничная тоже не могла. Она живет в моем доме уже без малого два года. Нет, подкидыш, конечно же, не ее сын.

– Ребенка могла родить одна из их родственниц. Сестра, например. Прекрасная возможность избавиться от неугодного племянника. – Вулф снабдил эту реплику выразительным жестом. – Но это мы установим в два счета. – Он постучал по записке кончиком пальца. – Поговорим теперь об этих проколах. Булавка была английская?

– Нет, не английская. Самая обыкновенная.

– Понятно. – Брови Вулфа взметнулись вверх. – По вашим словам, записка была приколота с внутренней стороны одеяла. Где именно? Возле какой части тела – ног, груди, головы?

– По-моему, ближе к ногам, хотя точно вспомнить не могу. Я уже развернула одеяло, вынула ребенка и лишь потом заметила записку.

Вулф повернул голову в мою сторону:

– Арчи, ты любишь заключать пари на вероятность. Какова вероятность того, что ни одна женщина не стала бы подвергать младенца риску уколиться булавкой?

Соображал я около трех секунд.

– У нас не хватает сведений. Куда именно была воткнута булавка? Во что был одет младенец? Насколько доступна была английская булавка? Я бы оценил шансы как десять против одного, но это вовсе не означает, что вероятность того, что подбросил ребенка мужчина, выше в десять раз. Я просто рассуждаю вслух. Пари не предлагаю.

– Я тебя об этом и не просил. – Вулф снова уставился на миссис Вэлдон. – Не думаю, что младенец был совсем голенький. Верно?

– О да. На нем было много одежек, даже слишком. Свитер, вельветовые шапочка и комбинезончик, рубашечка, маечка, непромокаемые трусики и подгузник. Ну и пинетки, конечно. Словом, на нем было сто одежек.

– Английские булавки были?

– Конечно, в подгузнике.

– А подгузник был... свежий?

– Нет. Он весь перепачкался. Должно быть, его давно не меняли. Я сменила его перед приходом врача, но для этой цели мне пришлось воспользоваться наволочкой.

Я посчитал своим долгом вмешаться:

– А вот теперь, коль скоро вы интересовались моим мнением, я готов предложить пари. Ставлю двадцать против одного, что одевала младенца не та женщина, которая приколола бумажку к одеялу.

Вулф оставил мое заявление без комментариев, лишь повернул голову, чтобы посмотреть на настенные часы. До ланча оставался еще час. Вулф шумно втянул носом столько воздуха, сколько помещалось в его носовых пазухах – а это предостаточно, поверьте мне! – затем выпустил его через рот и снова обратился к миссис Вэлдон:

– Нам понадобятся от вас дополнительные сведения, и довольно много. Мистер Гудвин справится с этой задачей столь же успешно, как и я. Моя же роль состоит в том, чтобы установить личность матери этого ребенка, предъявить эту женщину вам и определить вероятность того, что отцом ребенка действительно был ваш супруг. Причем успеха я не гарантирую. Вас это устраивает?

– Мм... да. Если только вы... – Она замялась. – Нет, мой ответ – да.

– Очень хорошо. Тогда перейдем к формальностям. От вас требуется внести задаток.

– Ну конечно. – Она протянула руку к сумочке. – Сколько?

– Не имеет значения. – Вулф отодвинул кресло и встал. – Один доллар, сто или тысячу.

Мистер Гудвин расспросит вас о том, что нам необходимо знать. А теперь разрешите откланяться.

Он протопал к двери и, выйдя в прихожую, повернул налево, к кухне. На ланч ожидалась запеченная икра шэда в горшочке, одно из блюд, по поводу приготовления которого у Вулфа с Фрицем были стародавние расхождения. Оба соглашались включать в рецепт анчоусовое масло, кервель, лук-шалот, петрушку, лавровый лист, перец, майоран и сливки, а вот репчатый лук вызывал острые разногласия. Фриц был целиком за, а Вулф столь же категорически против. Учитывая, что очередной ученый спор вполне мог перерасти в громкий скандал, я встал и предусмотрительно закрыл дверь, которая никакого шума извне не пропускала. Когда же я возвращался на свое место, миссис Вэлдон остановила меня и вручила мне чек на тысячу долларов и ноль центов.

Глава 2

В тот же день, без четверти пять, я расспрашивал свидетелей в кухне дома Люси Вэлдон на Западной Одиннадцатой улице. Прислонившись спиной к холодильнику, я стоял со стаканом молока в руке. Миссис Вера Дауд, кухарка, которая, судя по габаритам, съедала львиную долю собственноручно приготовленных блюд, сидела на стуле. Это она, по моей просьбе, снабдила меня молоком. Мисс Мари Фольц в униформе горничной, которая лет десять назад наверняка притягивала к себе взгляды сильной половины человечества, да и сейчас была весьма недурна собой, стояла возле раковины лицом ко мне.

– Мне необходима ваша помощь, – произнес я, отхлебывая молоко.

Поверьте, я вовсе не преднамеренно умалчиваю о предобеденной беседе с миссис Вэлдон. Просто нет смысла утомлять вас всеми сведениями, которые я заношу в свои блокноты. Тем не менее некоторыми подробностями (с ее слов) я готов поделиться.

Итак, врагов или даже недоброжелателей у нее не было, по крайней мере таких, кто мог бы подбросить ей ненужного ребенка. В семье она тоже ни с кем не ссорилась. Отец с матерью в настоящее время пребывали на Гавайях – в одном из промежуточных пунктов кругосветного путешествия. Брат, у которого была собственная семья, жил в Бостоне, а замужняя сестра – в Вашингтоне. Ближайшая подруга Лена Гатри, одна из трех персон, помимо доктора и адвоката, которым миссис Вэлдон показывала прищипленную к одеяльцу записку, считала, что ребенок похож на Дика, тогда как сама Люси от мнения на сей счет воздерживалась. Нарекать мальчика до тех пор, пока она не решила оставить его себе, Люси тоже не хотела. Выказалась, правда, что готова назвать его Моисеем, поскольку отца этого библейского персонажа тоже никто не знал, но при этом усмехнулась. Ну и так далее. Еще я выудил из нее пару десятков нужных фамилий, в том числе остальных пяти человек, гостивших в тот уик-энд в Уэстпорте у Хафта, а кроме того, четырех женщин, с которыми Дик предположительно водил дружбу в апреле 1961 года, а также фамилии людей, большей частью мужчин, которые могли знать о привязанностях и увлечениях Дика больше, чем его вдова. Наиболее обещающими из них мне показались: Лео Бингэм, телевизионный продюсер, Уиллис Кинг, литературный агент, и Джулиан Хафт, издатель, глава издательского дома «Парфенон пресс». Что ж, думаю, с вас этого достаточно.

Между прочим, кухню я выбрал местом встречи с миссис Дауд и мисс Фольц по той причине, что с людьми проще всего беседовать в привычной для них обстановке. Когда я заявил дамам, что нуждаюсь в их помощи, миссис Дауд подозрительно прищурилась, а мисс Фольц смерила меня недоверчивым взглядом.

– Я насчет ребенка, – сказал я и сделал еще глоток молока. – Миссис Вэлдон пригласила меня наверх, чтобы я на него полюбовался. Так вот, на мой взгляд, он слишком раскормлен, грязноват, да и нос картошкой. Впрочем, вы, женщины, наверное, видите его по-своему.

Мисс Фольц скрестила руки на груди. Миссис Дауд пылко возразила:

– Да что вы, ребенок как ребенок!

– Что ж, вам виднее. Судя по всему, тот, кто подбросил мальчонку, рассчитывал, что миссис Вэлдон захочет оставить его у себя. Не представляю, каковы ее намерения на сей счет, однако ей любопытно знать – и это вполне естественно, – откуда взялся мальчик. Чтобы выяснить это, она обратилась за помощью к частному сыщику. Его зовут Ниро Вулф. Возможно, вы о нем слышали.

– Его по телику показывают? – осведомилась мисс Фольц.

– Не говори глупости! – зашипела на нее миссис Дауд. – Он же всамделишный! – И обратилась ко мне: – Конечно, я его знаю. Как и вас, кстати. Примерно год назад я видела в газете вашу фотографию. Запомнила только, как вас зовут... Ах нет, вспомнила! *Арчи!*

Арчи Гудвин. Как же я сразу не догадалась, когда миссис Вэлдон сказала, что с нами хочет поговорить мистер Гудвин? Память у меня на имена прекрасная. Как, впрочем, и на лица.

– Замечательно, – похвалил я, отпивая еще молока. – Именно поэтому я к вам и обратился. Сами судите: о чем в первую очередь думает сыщик, берясь за такое дело? Он рассуждает примерно так: неспроста ребенка подкинули именно в этом дом, должна быть тому какая-то причина. А какая? Возможно, скажем, кто-либо, проживающий под крышей этого особняка, посчитал, что неплохо бы поселить сюда и этого малыша. Мистер Вулф осведомился у миссис Вэлдон, кто еще живет здесь с ней, и она ответила: миссис Вера Дауд и мисс Мари Фольц. Тогда он спросил, могла ли одна из этих женщин произвести на свет младенца месяца четыре назад, на что она ответила...

Меня прервал нестройный хор возмущенных возгласов. Я приподнял руку успокаивающим жестом – ладонью наружу – и продолжил, стараясь не повышать голоса:

– Вот видите, теперь вы и сами понимаете, почему я обратился к вам за помощью. Стоило мне только привести один-единственный пример вопросов, которые задает любой частный сыщик, и вы обе как с цепи сорвались. Попробуйте сами хоть раз поработать детективом. Разумеется, миссис Вэлдон сказала, что ни одна из вас детей четыре месяца назад не рожала, но тогда возникает следующий вопрос. Нет ли у одной из вас родственницы, скажем сестры, которая по каким-либо причинам была вынуждена отказаться от собственного ребенка? Понимаю, вопрос непростой. Тут мне придется изрядно покопаться. Перебрать всех ваших родственников и друзей, с каждым из них пообщаться, потратить уйму времени и денег. Но в конечном итоге я до истины доберусь, смею вас в этом уверить.

– Я могу вам ответить прямо сейчас, не сходя с места, – вызвалась миссис Дауд.

– Не сомневаюсь, – кивнул я, – и очень вам за это признателен. Мне бы не хотелось, чтобы вы затаили обиду на миссис Вэлдон за просьбу встретиться и переговорить со мной. Если уж прибегаешь к услугам частного сыщика, то нужно создавать ему условия для работы, предоставив полную свободу действий, а не вставлять палки в колеса. Поэтому ей нужно было либо предоставить мне полную свободу действий, либо отказаться от услуг Ниро Вулфа. Если одной из вас известно, откуда взялся мальчик, но вам хотелось бы, чтобы он рос в нормальных условиях, вы так и скажите. Пусть миссис Вэлдон себе его и не оставит, но, безусловно, подыщет для него хорошую семью и проследит, чтобы историю происхождения мальчика хранили в тайне. В противном случае мне придется проводить полномасштабное расследование с опросом всех ваших знакомых и родственников...

– Моих знакомых и родственников вам допрашивать ни к чему, – перебила меня миссис Дауд.

– Моих тоже, – ввернула мисс Фольц.

Я и сам об этом догадался. И самый опытный физиономист далеко не всегда найдет верный ответ, изучая лицо собеседника, но порой это происходит, как в данном случае со мной. Ни на одном из двух женских лиц не мелькнула даже тень сомнения: поломать голову над предложением миссис Вэлдон или позволить мне приступить к расследованию. Так я им и объяснил. Потом, допив молоко, я еще немного побеседовал с ними о физиогномике, после чего соврал, что якобы заверил миссис Вэлдон в том, что, поговорив с ними, затем оставлю их в покое. Заранее такие обещания, конечно же, никто не дает, поскольку никто не в силах предсказать, как закончится та или иная беседа. Как бы то ни было, расстались мы друзьями.

В доме был лифт, куда более современный и менее шумный, чем его допотопный собрат в старом особняке из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, однако мы уговорились, что миссис Вэлдон будет ждать меня на втором этаже, и я решил преодолеть этот путь пешком по лестнице.

Миссис Вэлдон приняла меня в просторной комнате, в которой без труда поместились бы и кабинет Вулфа, и примыкающая к нему гостиная. А вот обстановка, за исключением ковра

и огромного телевизора в дальнем углу, была отнюдь не современной. Все здесь было либо старым, либо под старину – судить не берусь. Клиентка наша расположилась с журналом на диване, возле которого стоял небольшой бар на колесиках. Час назад его здесь не было. И еще – она снова переделалась. Если на встречу с Ниро Вулфом она пришла в сшитом на заказ костюме, светло-коричневом в темную полоску, а час назад встретила меня в облегающем сером платье, которое куда лучше гармонировало с цветом ее глаз, то теперь на ней было светло-голубое платье без рукава, глубоко декольтированное и, по-видимому, шелковое, хотя в наши дни уверенно судить об этом трудно. Увидев меня, миссис Вэлдон отложила журнал в сторону.

– Все чисто, – заявил я. – Они невиновны.

– Вы уверены?

– На все сто.

Запрокинув голову, она сказала:

– Быстро же вы справились. Как вам это удалось?

– Секреты фирмы. Я не имею права разглашать клиенту подробности операции, не обсудив их с мистером Вулфом. Однако перенесли они испытание стойко и достойно. У вас по-прежнему есть и кухарка, и горничная. Если мы надумаем что-нибудь новенькое, я позвоню вам завтра утром.

– Я собираюсь выпить «Мартини». Не желаете составить компанию? Или предпочитаете что-нибудь еще?

Покидая кухню, я взглянул на часы, и, памятуя о том, что Вулф проторчит наверху с орхидеями до шести вечера, а мне вменено в обязанность понимать женскую психологию, и, вдобавок разглядев, что марка джина не какая-нибудь, а «Фоллансби», я решил, что вполне могу позволить себе быть поучтивее, и согласился.

Я вызвался смешать напитки, пояснив, что сам предпочитаю разводить один к пяти, и миссис Вэлдон сказала, что ее это вполне устраивает. Приготовив коктейли, я дал один стакан ей, а со вторым пристроился рядышком на диване. Мы пригубили напитки, и Люси сказала:

– У меня есть предложение. Попробуйте мой коктейль, а я попробую ваш. Вы не против?

Разумеется, возражать я не стал, поскольку обязан был вникнуть в ее психологию. Протянул ей свой стакан, не выпуская его из руки, а сам отхлебнул из ее стакана.

– Откровенно говоря, – признался я, – даже жаль, что вы переводите на меня такой славный джин. Я только что выпил целый стакан молока.

Миссис Вэлдон пропустила мои слова мимо ушей. Она, похоже, даже не заметила, что я заговорил. При этом смотрела невидящим взглядом прямо на меня. Как прикажете это понимать? Не желая просто сидеть как пень и разглядывать ее глаза, я перевел взор на ее оголенное плечо, довольно соблазнительное.

– Сама не понимаю, что на меня нашло, – сказала она. – Со мной такого не случилось со времени смерти Дика. Ведь, кроме него, в моей жизни не было ни одного мужчины. И вдруг ни с того ни с сего я решила, что должна попробовать. А почему – просто не представляю.

В подобной ситуации рекомендуется не выходить за профессиональные рамки, а проще всего это сделать, завязав разговор про Вулфа.

– Как говорит мистер Вулф, – торжественно произнес я, – никому не дано проникнуть в истинную суть происходящего.

Люси улыбнулась:

– А еще наверху, когда вы смотрели на малыша, я едва не назвала вас Арчи. Я вовсе не пытаюсь с вами заигрывать, не думайте. Я даже толком флиртовать не умею. Но я не понимаю... Кстати, вы, случайно, не гипнотизер?

– Да будет вам, – великодушно сказал я, пригубив «Мартини». – Не волнуйтесь. Отпивать друг у друга – стародавний персидский обычай. И не стесняйтесь называть меня Арчи, ибо меня и в самом деле зовут именно так, а не, скажем, Свенгали. А вот насчет флирта вы не

правы. Это свойственно всем людям без исключения, мужчинам и женщинам. Лошади флиртуют. Попугаи флиртуют. Не сомневаюсь, что флиртуют и устрицы, но у них, наверное, есть особый... – Я осекся, поскольку лишился аудитории.

Миссис Вэлдон встала с дивана, поставила недопитый стакан на бар и, повернувшись ко мне, сказала:

– Соберетесь уходить – не забудьте чемодан.

И я остался в одиночестве.

Что ж, тут требовалось пораскинуть мозгами. Я сидел и ломал голову минуты четыре, а то и пять – именно столько времени понадобилось мне, чтобы прикончить «Мартини», – а затем поднялся и поставил опустевший стакан рядом со стаканом миссис Вэлдон. Я даже легонько чокнулся с ним в знак того, что все понял и проникся сочувствием – полное вранье! – после чего покинул гостиную. Внизу я забрал небольшой чемоданчик, который упаковала для меня миссис Вэлдон.

Поймать такси в это время суток и в этой части Нью-Йорка – все равно что надеяться прикупить бубновую десятку к одномастным восьмерке, девятке, валету и даме. С другой стороны, от дома меня отделяли всего двадцать четыре коротких и четыре длинных квартала, чемоданчик весил всего ничего, а ходить пешком для меня удовольствие. Желательно, правда, было опередить Вулфа, который всегда спускается в кабинет ровно в шесть вечера, и мне это удалось. В 17:54 я уже стоял на крыльце старого особняка из бурого песчаника и отпирал дверь своим ключом. К тому времени, когда раздалось гроыхание спускающегося лифта, чемоданчик был распакован, а все вещи аккуратно разложены на столе Вулфа, занимая его большую часть. Сам же я, сидя за собственным столом, старательно делал вид, что занят важными бумагами.

Вулф вошел, и в следующее мгновение послышался грозный рык. Я испуганно подскочил.

– Это еще что за дьявольщина? – свирепо спросил Вулф.

Я встал и начал перечислять, поочередно указывая на каждую вещь пальцем:

– Свитер. Шапочка. Комбинезончик. Рубашечка. Маечка. Одеяло. Пинетки. Непромокаемые трусики. Подгузник. Не всякая женщина сохранила бы подгузник. И ведь горничной в тот день дома не было, да и на няню рассчитывать так скоро не приходилось. Значит, она сама его выстирала. Нашивок из прачечной или складских этикеток ни на одной вещи нет. Фабричные ярлыки есть на свитере, шапочке, комбинезоне и на пинетках, но от них, боюсь, толку мало. Только одна вещица может нам чем-то помочь. Впрочем, если вы сами этого не заметите, то, наверное, я ошибаюсь.

Вулф протопал к своему огромному, сделанному на заказ креслу и уселся в него.

– Горничная и кухарка?

– Мы пообщались. Обе исключаются. Пересказать дословно?

– Если ты настолько уверен, то не стоит.

– Уверен на все сто. Но, конечно, если мы зайдем в тупик, я готов их перепроверить.

– Что еще?

– Ребенок существует. Я видел его. Он не плод воображения миссис Вэлдон. И ее дом самый обычный; парадная дверь не запирается, а на крыльцо ведут всего четыре ступеньки, так что заглянуть к ней может практически любой. Попытки найти свидетелей, которые могли что-то видеть семнадцать дней назад после наступления темноты, – напрасная трата моего времени и клиентских денег. С уборщицей и няней я беседовать не стал, потому что первая способна произвести на свет только темнокожего ребенка, а вторую наняли через агентство уже на следующий день после его появления в доме. В детской, под которую отвели одну из спален, расстелен изумительный персидский ковер. Вы, конечно, помните, что в коврах я разбираюсь благодаря вам, а в живописи – благодаря мисс Роуэн. Так вот, в гостиной висит подлинный

Ренуар и еще, если не ошибаюсь, Сезанн. Клиентка отдает предпочтение джинну «Фоллансби». Мы с ней слегка повздорили, поскольку я, позабыв о том, что она родом из Армстедов, позволил себе крепкое словцо. Но вы не беспокойтесь, мы помиримся.

– С какой стати – крепкое словцо?

– Она меня пощекотала, и я облился джином.

Вулф смерил меня подозрительным взглядом:

– Пожалуй, мне стоит выслушать дословный пересказ вашей встречи.

– Это ни к чему, – махнул я рукой. – Тут все чисто.

– Не сомневаюсь. У тебя есть соображения?

– Да, сэр. На мой взгляд, дело – полная безнадега. Если через пару недель мы так и не сдвинемся с мертвой точки, можете сказать ей, что папаша ребенка – я. И именно я подбросил его к двери ее дома. Если она выйдет за меня замуж, то ребенок останется при нас. Что же касается матери, то я могу договориться с...

– Замолчи!

Очень кстати, ибо я не успел придумать, как выкрутиться из ситуации с матерью. Вулф взял свитер и принялся его разглядывать. Я же откинулся на спинку стула и, небрежно закинув ногу на ногу, наблюдал за его манипуляциями. Выворачивать свитер наизнанку Вулф не стал, из чего я заключил, что это лишь предварительный осмотр и Вулф вернется к свитеру позже. Отложив его в сторону, он взял шапочку. Когда он добрался до комбинезона, я так и не понял по его лицу, заметил он что-нибудь или нет. Тогда я потянулся к полке со всякими справочниками, снял с нее телефонный справочник Манхэттена, бывшую Красную книгу, и довольно быстро отыскал то, что хотел. В рубрике «Детская одежда – оптовая торговля и производители», занимавшей четыре с половиной страницы. Я уже протянул было руку к телефонной трубке, но вовремя одумался. Вполне возможно, что со второй попытки Вулф все-таки это заметит и без моей подсказки. Я встал, вышел в прихожую, поднялся по лестнице в свою комнату и набрал нужный номер на телефоне, стоявшем на столике у моей кровати. Как и следовало ожидать для столь позднего часа, трубку никто не снял. Тогда я позвонил одной знакомой женщине, матери троих детей, однако хотя она и оказалась дома, но помочь мне не смогла; сказала, что должна сначала взглянуть на этот комбинезон. Пришлось отложить дело до утра. И я спустился в кабинет.

Вулф развернул кресло и, поднеся комбинезон ближе к настольной лампе, разглядывал его с помощью самой мощной лупы. Точнее, он рассматривал пуговицу.

– Ну как, заметили что-нибудь? – спросил я, подойдя к нему.

Вулф развернулся лицом к столу и отложил лупу в сторону.

– Возможно, – ответил он. – Пуговицы на этом комбинезоне. Все четыре штуки.

– И что с ними?

– Они к нему не подходят. Такие комбинезоны должны производить в массовом порядке, включая и пуговицы. Эти же пуговицы к массовой продукции не относятся. Сделаны они из материала, напоминающего белый конский волос, хотя я не исключаю, что это может быть и какое-нибудь современное синтетическое волокно. Но по форме и размерам пуговицы различаются. Следовательно, выполнены они вручную и вряд ли в очень большом количестве.

– Весьма любопытно, – сев за свой стол, произнес я. – Что ж, примите мои поздравления.

– Посмотри сам.

– Уже посмотрел, хотя и без лупы. И вы, конечно, обратили внимание на ярлык – «Керубино». Такие комбинезоны производит фирма «Резник и Спайро», располагающаяся по адресу: Западная Тридцать седьмая улица, дом триста сорок. Я только что звонил туда, но никого не застал. Неудивительно – поздно все-таки. Но утром я туда прогуляюсь, от нас это всего в пяти минутах ходьбы. Если, конечно, вы не желаете, чтобы я разыскал мистера Резника или мистера Спайро прямо сейчас, не сходя с места.

– Нет, до утра это подождет. Наверное, мне следует извиниться за то, что я отнял у тебя лавры?

– Мы поделим их пополам, – сказал я и встал, чтобы взять с его стола комбинезон и лупу.

Глава 3

В Швейном квартале Манхэттена вы можете увидеть все, что угодно: от тридцатипятиэтажных небоскребов, облицованных мрамором, до обшарпанных трущоб. Место для прогулок тут самое неподходящее, ибо тротуары почти сплошь заняты грузовиками и фургонами, которые либо разгружаются, либо, напротив, выезжают после разгрузки. Зато здесь можно здорово натренировать прыжки, нырки и уклоны, да и реакцию выработать первоклассную. Вдобавок, если, проведя целый час в этом районе Тридцатых улиц, вы уцелеете, то можете затем смело ехать в любой самый опасный и труднодоступный уголок земли. Вот почему в среду, в десять утра, зайдя в дом 340 по Западной Тридцать седьмой улице, я ощущал себя героем.

Однако, настоящие сложности начались потом. Сперва я попытался объяснить суть дела молодой женщине в окошке на первом этаже, но потерпел фиаско, а затем такое же разочарование постигло меня в приемной на четвертом этаже, где секретарь так и не понял, чего я, собственно, добиваюсь. Если я ничего не продаю, не покупаю и не пытаюсь устроиться на работу, то какого черта мне тут надо?! В конце концов мне удалось добраться до служащего, который сидел за письменным столом и на первый взгляд имел более широкий кругозор. Разумеется, и он был не в состоянии уразуметь, почему вопрос, пришиты ли эти пуговицы к детскому комбинезону в фирме «Резник и Спайро», заставил меня рисковать жизнью, совершая головоломный слалом по Тридцать седьмой улице. Впрочем, он был слишком занят, чтобы ломать голову над этой загадкой. Зато мгновенно сообразил, что человек, выдержавший такие испытания, достоин того, чтобы ему ответили. Метнув беглый взгляд на комбинезон, он тут же заявил, что «Резник и Спайро» в жизни такие пуговицы не использовали и не собираются использовать впредь. У них в ходу исключительно пластмассовые. И вернул мне комбинезон.

– Премного благодарен, – сказал я. – Причина моих расспросов вам, конечно, неинтересна, однако поверьте: привело меня к вам не праздное любопытство. Не знаете ли вы, какая фирма изготавливает такие пуговицы?

– Представления не имею, – покачал он головой.

– А вы сами когда-нибудь подобные видели?

– Нет.

– А можете хотя бы сказать, из чего они изготовлены?

Он пригнулся, чтобы рассмотреть их лучше.

– Скорее всего, из какой-то синтетики, хотя черт его знает!.. – Внезапно его рот расплылся до ушей. – А если не черт, то японский император. Обратитесь к нему. Скоро все тут у нас японское будет.

Я снова поблагодарил его, убрал комбинезон в бумажный пакет и ушел.

Подозревая наперед, что результат посещения фирмы «Резник и Спайро» окажется именно таковым, я накануне вечером битый час корпел над манхэттенским телефонным справочником, в котором раздел «Пуговицы» занимал четыре с половиной страницы. Итогом этого труда стали занесенные в мою записную книжку названия пятнадцати фирм, причем до каждой было буквально рукой подать от того места, где я находился сейчас. Ближайшая, например, располагалась шагах в пятидесяти. И я направил свои стопы туда.

Полтора часа спустя, посетив еще четыре конторы, я существенно расширил свои познания о всевозможных пуговицах, однако о тех, что меня интересовали, так ничего и не выяснил. В одной фирме делали набивные пуговицы, в другой – полиэфирные и акриловые, в третьей – из речного и морского жемчуга, а в четвертой – посеребренные и позолоченные. И нигде никто даже представления не имел, кто и из чего изготовил пуговицы на принесенном мной комбинезоне. Более того, никому не было до этого ни малейшего дела. Словом, все клонилось к тому, что мне придется уйти несолоно хлебавши, в чем, правда, тоже были свои преимущества. Тем

не менее, решив испить чашу до дна, я прошагал по коридору шестого этажа дома на Тридцать девятой улице к двери с табличкой «ТОЛЬКО НОВЫЕ ПУГОВИЦЫ».

Знай я наперед, как все выйдет, то пришел бы сюда первым делом. Женщина, которая с полуслова поняла, что мне нужно, провела меня в комнату, стены которой не были заставлены стендами и в которой вообще не было видно ни единой пуговицы. За столом сидел, пляясь в папку с документами, старичок с большими ушами и копной седых волос. Он не замечал меня до тех пор, пока я не вынул из пакета комбинезон. Но когда старик заметил пуговицу, в его глазах вспыхнул лихорадочный блеск, и он буквально выхватил комбинезон из моих рук, пристально взгляделся в каждую из четырех пуговиц – две были пришиты спереди, а две – сбоку, затем посмотрел на меня и требовательно спросил:

– Откуда они?

Я расхохотался. Возможно, вам это смешным не покажется, но именно над этим вопросом я ломал голову в течение последних двух часов. Заметив рядом свободный стул, я сел.

– Я не над вами смеюсь, – пояснил я. – Однако ответ на вопрос, который вы задали, стоит сотню долларов наличными. Почему – объяснять не стану, все это довольно сложно. Вы можете ответить?

– Вы разбираетесь в пуговицах?

– Нет.

– Кто вы?

Я достал из кармана бумажник и вытащил визитную карточку. Старик, прищурившись, взгляделся в нее.

– Так вы частный сыщик?

– Да.

– А откуда у вас эти пуговицы?

– Послушайте, – сказал я. – Я бы хотел только...

– Нет, это *вы* послушайте, молодой человек. Столько, сколько знаю о пуговицах я, не знает ни один человек на свете. Мне присылают их отовсюду. У меня самая лучшая и самая полная коллекция из существующих. Я продаю пуговицы. Мне случалось продавать тысячу дюжин пуговиц одним лотом по сорок центов за дюжину, а однажды у меня купили четыре пуговицы за шесть тысяч долларов. Я продавал пуговицы герцогине Виндзорской, королеве Елизавете и мисс Бетт Дэвис. Я преподнес редчайшие пуговицы в подарок девяти музеям в пяти странах. До сих пор я жил в уверенности, что повидал любые пуговицы, которые только существуют, и вот, откуда ни возьмись, являетесь вы и показываете мне экземпляры, которых я никогда прежде не встречал. Откуда они у вас?

– Хорошо, – сказал я. – Я вас выслушал, теперь – ваш черед. *Меньше* меня о пуговицах не знает ни один человек на свете. Происхождение этого комбинезона интересует меня в связи с расследованием, которое мы проводим. Подобных комбинезонов, на мой взгляд, хоть пруд пруди, и выяснить, откуда взялся мой, немислимо. А вот пуговицы, похоже, уникальные, и проследить их происхождение представляется задачей вполне вероятной. Именно это меня и интересует. Но, судя по всему, вы не в состоянии помочь мне.

– Вы правы: в *этом* я помочь вам не в силах.

– Ладно. И тем не менее в пуговицах, по крайней мере в необычных и редких, вы разбираетесь. А вот как насчет самых обыкновенных пуговиц, которые выпускаются в массовом порядке?

– Про пуговицы я знаю все!

– Однако такие пуговицы вы видите впервые?

– Да! Тут сомнений никаких нет.

– Прекрасно. – Я снова полез в карман за бумажником, извлек из него пять двадцаток и положил на стол. – Хотя на мой вопрос вы и не ответили, но помощь тем не менее оказали неоценимую. Скажите, возможно ли штамповать подобные пуговицы на машине?

– Нет! – отрезал он. – Это исключено. Каждая из них требует многих часов кропотливой ручной работы. Такую технику я встретил впервые.

– А из чего они сделаны? – уточнил я. – Материал вы определить в состоянии?

– Это не так просто. Мне понадобится время. Думаю, что смогу ответить на ваш вопрос завтра днем.

– Нет, так долго я ждать не могу, – покачал я головой и потянулся за комбинезоном, но старик вцепился в него бульдожьей хваткой.

– Я предпочел бы оставить себе пуговицы, а не деньги, – просительно произнес он. – Хотя бы одну из них. Зачем вам четыре?

Я выдернул комбинезон из его рук, убрал в пакет и встал:

– Что ж, вы помогли мне, и я не хочу оставаться перед вами в долгу. Как только я разберусь с этими пуговицами, если, конечно, это случится, то пожертвую одну из них, а то и больше в вашу коллекцию. А заодно расскажу, откуда они взялись. Надеюсь.

Мне понадобилось пять минут, чтобы выбраться на улицу. Не хотел обижать старика. Возможно, он был единственным на всю Америку пуговичным маньяком, а мне и без того несказанно повезло, что я наскочил на него до ланча.

Вопрос о ланче вертелся в моем мозгу, пока я спускался с шестого этажа. Было уже десять минут первого. Во сколько уходит на ланч Натан Хирш? Поскольку до его офиса было всего минут двенадцать хода, я решил не тратить время на телефонный звонок, и мне снова улыбнулась удача. Не успел я войти в приемную лаборатории Хирша на десятом этаже высоченного здания на Сорок третьей улице, как столкнулся нос к носу с самим Хиршем, который собрался уходить. Я сказал, что у меня к нему неотложное поручение от Ниро Вулфа, и Хирш тут же, не задавая лишних вопросов, прошел со мной в свой кабинет. Несколько лет назад бесплатная реклама собственной фирме, которую он сделал, выступая в суде свидетелем по делу, расследованному Ниро Вулфом, отнюдь не повредила его бизнесу.

Я предъявил комбинезон и сказал:

– Всего один вопрос. Из чего сделаны эти пуговицы?

Хирш взял со стола лупу и внимательно осмотрел пуговицу.

– Это не так просто, – ответил он. – Уж слишком много сейчас новых материалов появилось. На первый взгляд это походит на конский волос, однако для полной уверенности придется сделать срез.

– Сколько времени это займет?

– Трудно сказать. От двадцати минут до пяти часов.

Я сказал ему, что результаты нужны нам как можно скорее, а номер телефона он знает.

Домой я вернулся в ту самую минуту, когда Вулф, выйдя из кабинета в прихожую, направлялся в столовую. Поскольку за обеденным столом разговаривать о деле запрещено, он остановился на самом пороге и спросил:

– Ну?

– Пока все идет как по маслу, – ответил я. – Лучше не бывает. Человек, разбирающийся в пуговицах так же здорово, как вы в кулинарии, никогда ничего подобного не видел. На изготовление каждой из них понадобилось несколько часов. Материал, из которого они сделаны, поставил специалиста в тупик, и я отнес комбинезон Хиршу. Уже сегодня он вынесет свое заключение.

Вулф пробурчал свое обычное «приемлемо» и протопал к обеденному столу, а я сначала отправился мыть руки.

С развитием современной технологии наверняка можно изобрести приспособление, с помощью которого удалось бы точно определить, кто кого больше бесит: я Вулфа или он меня. Увы, такого приспособления у меня нет, так что ответить с полной уверенностью я не берусь. Должен признаться, что порой мне ничего не остается, как сидеть сложа руки и ждать. Но самый фокус тут в том, *как* ждать. После ланча я сидел в кабинете и доводил Вулфа тем, что, пока он диктовал мне длиннющее письмо какому-то охотнику за орхидеями из Гондураса, я то и дело нетерпеливо поглядывал на часы. В ответ Вулф отплатил мне той же монетой, преспокойно устроившись с книжкой «Путешествие с Чарли в поисках Америки» Джона Стейнбека. А ведь он, черт возьми, дело расследовал! Потом, если уж ему так приспичило почитать, вполне мог бы снять с полки «Только его облик» Ричарда Вэлдона. Вдруг нашел бы там какой-нибудь скрытый намек, который пригодился бы при расследовании?

Хирш позвонил в 15:43. На случай каких-либо мудреных терминов я держал наготове блокнот, однако выразался Хирш как самый простой смертный и вдобавок был немногословен. Повесив трубку, я повернулся к Вулфу, который даже соизволил оторваться от книги.

– Конский волос, – сообщил я. – Ни краски, ни лака, ничего – самый обыкновенный, ничем не обработанный белый конский волос.

– Успеем ли мы поместить объявление в завтрашних газетах? – спросил Вулф. – В «Таймс», «Ньюс» и «Газетт»?

– В «Таймс» и «Ньюс» возможно, – ответил я. – В «Газетт» наверняка.

– Открой блокнот. Ширина – два столбца, дюйма по четыре. Сверху цифрами, тридцатым кеглем или крупнее, жирным шрифтом: «Сто долларов». Ниже, тоже жирным шрифтом, но помельче: «Будет выплачено наличными за любые сведения об изготовителе или о происхождении белых пуговиц, запятая, сделанных вручную из конского волоса. Точка. Пуговиц любого размера и любой формы, запятая, используемых по назначению. Точка. Меня интересуют не те люди, запятая, которые могут их изготовить, запятая, а те, запятая, которые их изготовили. Точка. Сто долларов получит тот, кто предоставит эти сведения первым». Ниже – моя фамилия, адрес и номер телефона.

– Тоже жирным шрифтом?

– Нет, обычным и достаточно плотным.

Я повернулся к столу и придвинул к себе пишущую машинку. Я бы отдал дюжину полиэфирных пуговиц за то, чтобы узнать, когда Вулф это придумал – пока диктовал письмо в Гондурас или во время чтения «Путешествия с Чарли».

Глава 4

Поскольку старым особняком из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице владеет Вулф, то и правила внутреннего распорядка устанавливает он, а вот любые изменения в утреннюю программу вношу обычно я. Вулф жестко придерживается своего расписания: в 8:15 Фриц приносит в его спальню на втором этаже завтрак на подносе, в 9:00 Вулф поднимается на лифте в оранжерею, а точно в 11:00 на лифте же спускается в кабинет. Мое же расписание зависит от того, чем в настоящее время мы заняты, а также от времени моего отхода ко сну. Для полного восстановления сил я должен спать восемь часов, поэтому и будильник всякий раз ставлю соответственно. Поскольку накануне, в среду вечером, я ходил с подругой в театр, после чего мы с ней приятно провели время в клубе «Фламинго», а домой я вернулся уже во втором часу ночи, то и будильник я поставил на половину десятого.

Однако в четверг утром разбудил меня вовсе не звонок будильника. В первый миг, когда это случилось, я лишь плотнее зажмурился, пытаюсь понять, что за чертовщина у нас творится. Это был не телефон, потому что, ложась, я отключил его, да и звук был не настолько громкий. Похоже было на шмеля, но какого дьявола вздумалось бы этому дурацкому шмелю посреди ночи порхать по Тридцать пятой улице? Может, правда, уже и не ночь вовсе? Может, солнце взошло? Я продрал глаза и уставился на циферблат будильника. Без шести девять. А звонили, конечно же, по внутреннему телефону. Я перекатился в постели и сграбастал трубку:

– Спальня Арчи Гудвина, мистер Гудвин слушает.

– Извини меня, Арчи, – сказал Фриц. – Дело в том, что она настаивает...

– Кто?

– Женщина, которая звонит нам по телефону. По поводу каких-то пуговиц. Она уверяет...

– Хорошо, я поговорю с ней. – Я включил телефон и снял трубку. – Алло! Это Арчи Гудвин...

– Мне нужен Ниро Вулф, и я очень спешу!

– Он занят. Если вы по поводу объявления...

– Да! В «Ньюс». Я знаю про эти пуговицы и хочу получить вознаграждение...

– Получите. Как вас зовут?

– Беатрис Эппс. Э-п-п-с. А я первая дозвонилась?

– Да, если ваши сведения верны. Мисс или миссис?

– Мисс Беатрис Эппс. Я сейчас не могу...

– Где вы находитесь, мисс Эппс?

– В будке автомата на Гранд-Сентрал. Я спешу на службу, где должна быть к девяти, поэтому сейчас все рассказать вам не успею. Но я хочу быть первой.

– Я вас понимаю. Это очень благоразумно. А где вы работаете?

– В компании «Квинн и Коллинз» в Чейнин-билдинге, – ответила она. – Торговля недвижимостью. Но только вы сами не приходите, потому что в офисе это не понравится. Я позвоню вам во время перерыва на ланч.

– Во сколько?

– В полпервого.

– Хорошо. Ровно в половине первого я буду поджидать вас в Чейнин-билдинге у газетного киоска. Ланч за мой счет. В петлице у меня будет небольшая орхидея, белая с зеленым, а сто долларов...

– Я уже опаздываю. Увидимся в полпервого.

Послышались короткие гудки. Я плюхнулся на подушку, но быстро сообразил, что уже слишком бодр, чтобы проспать еще полчаса, и со вздохом спустил ноги на пол.

В десять я уже сидел в кухне за своим столом, поливал карамельным соусом аппетитные оладьи и одновременно просматривал «Таймс», которую держал раскрытой на специальной подставке.

– Как, ты ешь оладьи даже без корицы? – недоуменно спросил Фриц.

– Да, – твердо сказал я. – Я убедился, что она афродизиак.

– Значит, для тебя она... как это по-английски говорят? Возить уголь туда, где добывают.

– Возить уголь в Ньюкасл¹. Я, конечно, не о том говорил, но ты ничего дурного не замыслил, так что спасибо.

– Я никогда ничего дурного не замышляю. – Заметив, что я уже принялся за вторую оладью, Фриц отошел к плите, чтобы испечь следующую порцию. – Я видел объявление. И видел на твоём столе детские вещи, которые ты принес в чемодане. Помнится, кто-то говорил, что нет для сыщика дел опаснее, чем похищение ребенка.

– Возможно, – сдержанно признал я. – Это зависит от многих обстоятельств.

– За все годы, что я служу у мистера Вулфа, это первый случай, когда он расследует похищение ребенка.

Я пригубил кофе.

– Вечно ты так, Фриц, ходишь вокруг да около. А ведь мог бы спросить меня в лоб: «Арчи, это дело о похищении»? А я бы ответил: «Нет». И это было бы чистой правдой. Я понимаю, в заблуждение тебя ввели детские вещи. Между нами, принадлежат они Вулфу – он их лично покупал. Долго выбирал. Еще не решено, будет ли его ребенок жить здесь с нами, тем более что мамашу Вулф сюда пускать не собирается, однако она прекрасная повариха, так что, случись тебе взять продолжительный отпуск...

Фриц вывалил мне на тарелку свежеспеченные оладьи, а я потянулся за джемом из помидоров и лайма. Не все же карамельным соусом поливать.

– Ты настоящий друг, Арчи, – проникновенным голосом произнес Фриц.

– Лучше не бывает, – согласился я.

– *Vraiment*². Спасибо, что предупредил. Успею подготовиться. Так это мальчик?

– Да. Точная копия Вулфа. Просто вылитый.

– Очень хорошо. Знаешь, что я сделаю? – Он вернулся к плите и выразительно помахал лопаточкой. – Я добавлю корицы во *все* блюда!

Я выразил неодобрение, и мы заспорили.

Вместо того чтобы дождаться Вулфа и поделиться с ним свежими новостями, я в два счета управился со своими утренними обязанностями: просмотрел почту, вытер пыль в кабинете, вытряхнул корзинки для бумаг, оторвал ненужные листки с настольных календарей, налил свежую воду в цветочную вазу на столе Вулфа – и взбежал по лестнице в оранжерею.

Июнь не лучшая пора для демонстрации всей пышной красоты орхидей, тем более для коллекции Вулфа, которая насчитывала более двухсот видов. В первом помещении – теплом – ярких красок было раз, два и обчелся; во втором – умеренном – цвета были более разнообразными, но и они не шли ни в какое сравнение с тем буйным великолепием, которым ослепляют цветущие орхидеи в марте. Наконец, в третьем – холодном – цветов было побольше, но богатством красок и они не отличались. Вулфа я застал в горшечной, где он вместе с Теодором Хорстманом разглядывал узлы на ложной луковице. При моем приближении он повернул голову и рыкнул: «Ну чего?» Прерывать священнодействие в оранжерее допускается лишь в случае крайней необходимости.

– Ничего срочного у меня нет, – заявил я. – Хочу только предупредить, что изымаю один цветок *Cypripedium lawrenceanum hucanum*. Воткну его в петлицу перед свиданием с дамой.

---

¹ Эквивалент русской поговорки «Ездить в Тулу со своим самоваром».

² Точно (*фр.*).

Она позвонила насчет пуговиц, и мы условились встретиться в половине первого. Орхидея нужна, чтобы меня узнали.

– Когда ты уходишь?

– Незадолго до полудня, – ответил я. – А по дороге загляну в банк за наличными.

– Хорошо. – Вулф возобновил осмотр.

Он был слишком занят, чтобы вдаваться в подробности.

Я сорвал цветок и спустился в кабинет. В одиннадцать, едва успев устроиться в кресле, Вулф потребовал от меня дословный отчет. Выслушав, задал лишь один вопрос:

– Ну и как она тебе показалась?

Я сказал, что с таким же успехом можно погадать и на кофейной гуще – шансов на то, что незнакомка и впрямь владеет нужными нам сведениями о пуговицах, не более чем один из десяти. Потом, когда я добавил, что, пожалуй, загляну по дороге к Хиршу и заберу у него комбинезон, Вулф одобрительно хмыкнул.

Вот почему, заняв чуть раньше назначенного срока свой пост у газетного киоска в вестибюле Чейнин-билдинга и выяснив, что офис компании «Квинн и Коллинз» расположен на девятом этаже, я держал в руке бумажный пакет. В подобных местах ожидать одно удовольствие. Стоишь себе и наблюдаешь за проплывающими мимо лицами, мужскими и женскими, старыми и молодыми, худощавыми и одутловатыми. Примерно половина из них выглядела так, что я порекомендовал бы их владельцам обратиться к врачу, или к адвокату, или к сыщику. Это относилось и к женщине, которая остановилась передо мной и придирчиво оглядела меня с головы до пят.

– Мисс Эппс? – спросил я, и она кивнула. – Меня зовут Арчи Гудвин. Спустимся в ресторан? Я заказал столик.

Она помогала головой:

– Я всегда хожу на ланч одна.

Не хотелось бы ее обижать, но справедливости ради должен сказать, что ее, похоже, приглашали на ланч крайне редко, а то и вовсе никогда. Приплюснутый нос и тройной подбородок вообще никого не красят, а уж тем более женщину. Что касается возраста, то я бы дал ей любое число лет – от тридцати до пятидесяти.

– Поговорить мы можем и здесь, – процедила она.

– Что ж, давайте попробуем, – уступил я. – Итак, что вам известно о пуговицах из белого конского волоса?

– Мне известно, что я такие видела. Но прежде чем что-либо сказать, я должна быть твердо уверена, что получу причитающееся мне вознаграждение.

– Конечно получите. – Я взял мисс Эппс за локоть и увлек ее в сторону от людского потока, затем вручил свою визитную карточку. – Но сначала я должен проверить достоверность ваших слов. Ну и еще, разумеется, от этой информации должен быть толк. А то, допустим, вы могли бы сказать, что знали когда-то некоего мастера в Сингапуре или Шанхае, который мастерил такие пуговицы, однако он уже скончался.

– Я в жизни не была в Сингапуре. И мои сведения совсем иного рода.

– Очень хорошо. Так что вы можете сказать?

– Такие пуговицы я видела здесь. В этом здании.

– Когда?

– Прошлым летом. – После некоторого замешательства она продолжила: – У нас в офисе около месяца работала одна девушка, которая подменяла сотрудницу, ушедшую в отпуск, и я заметила эти необычные пуговицы на ее блузке. Я сказала, что никогда ничего подобного не видела, а она ответила, что это немудрено. Тогда я спросила, где можно купить такие, но в ответ услышала, что нигде. Она сказала, что пуговицы делает из конского волоса ее тетка,

причем на изготовление одной пуговицы уходит почти целый день. Поэтому она их не продает, а делает просто так, для собственного удовольствия.

– Пуговицы были белые?

– Да.

– А сколько их было на блузке?

– Точно не помню. Пять, кажется.

Еще в лаборатории Хирша я решил, что комбинезон этой даме лучше не показывать, и срезал одну из трех оставшихся пуговиц. И вот я достал ее из кармана и предъявил мисс Эппс.

– Такие, как эта?

Она всмотрелась в пуговицу, потом кивнула:

– В точности. Но только с тех пор прошел почти целый год. Да и размер такой же.

Я убрал пуговицу в карман:

– Что ж, похоже, вы и в самом деле способны помочь нам. А как звали эту девушку?

Она снова замялась.

– Наверно, я должна вам сказать.

– Не наверно, а обязательно.

– Мне бы не хотелось навлекать на нее какие-нибудь неприятности, ведь Ниро Вулф – сыщик, и вы с ним заодно.

– Я тоже не сторонник лишних неприятностей для кого бы то ни было, – убежденно произнес я. – Но того, что вы мне рассказали, уже и так достаточно, чтобы ее найти. Вы просто сэкономите мне время. Как ее зовут?

– Тензер. Энн Тензер.

– А ее тетю?

– Не знаю. Энн не говорила, а я не спрашивала.

– А с тех пор вы ее видели?

– Нет.

– А как она устроилась на работу в вашу компанию? Через какое-нибудь агентство по найму?

– Да. Через агентство временного трудоустройства на Лексингтон-авеню.

– Сколько ей лет?

– По-моему, тридцати еще нет.

– Она замужем?

– Нет. Впрочем, точно судить не берусь.

– Как она выглядит?

– Рост и телосложение, как у меня. Волосы светлые – во всяком случае, были светлыми прошлым летом. Она умеет себя подавать, да и, на мой взгляд, женщина она красивая. Думаю, увидев ее, вы со мной согласитесь.

– Посмотрим. Но вы не волнуйтесь – я не скажу ей о нашей беседе. – Я извлек из кармана бумажник. – Мистер Вулф не велел платить вам, пока я не проверю сведения, которые от вас получу. Однако мистер Вулф, в отличие от меня, вас не видел и впечатления составить не мог. – Я протянул ей две двадцатидолларовые купюры и одну десятку. – Даю половину суммы, но при условии, что вы сохраните нашу встречу в тайне. Вы представляетесь мне женщиной, которая умеет держать язык на привязи.

– Это так и есть.

– Итак, никому ни слова! Договорились?

– Да. – Мисс Эппс спрятала деньги в сумочку. – А когда я получу остальное?

– Скоро. Возможно, мы встретимся снова, но если я сочту это необязательным, то отправлю деньги по почте. Только дайте мне свой домашний адрес и номер телефона.

Она назвала свой адрес на Западной Сто шестьдесят девятой улице, хотела что-то добавить, но в последний миг передумала и, распрощавшись со мной, направилась к выходу. Я проводил ее взглядом. Походке мисс Эппс явно недоставало упругости. Вообще я мог бы посвятить целую главу в книге, которую никогда не напишу, анализу влияния внешности той или иной женщины на ее походку.

Поскольку в ресторане меня ожидал зарезервированный столик на двоих, я спустился туда и заказал тарелку чаудера из моллюсков – в меню Фрица такое блюдо не числится, а ничего другого после позднего завтрака мне не хотелось. Затем я заглянул в телефонную будку и отыскал в справочнике точный адрес агентства временного трудоустройства на Лексингтон-авеню. Оно располагалось в доме номер четыреста девяносто три. Впрочем, прежде чем туда идти, следовало продумать тактику, поскольку: 1) подобные агентства крайне неохотно делятся сведениями о своих клиентах; 2) если Энн Тензер была матерью малыша, то действовать предстояло с величайшей осторожностью. Вулфу мне звонить не улыбалось. У нас с ним была давно выработана договоренность, что, находясь на задании, я должен «действовать, руководствуясь собственным опытом и интеллектом», как он выразился³. Причем интеллект имелся в виду мой, а не его.

Словом, в начале третьего я сидел в приемной компании «Только новые пуговицы», терпеливо дожидаясь телефонного звонка, а точнее, надеясь, что мне позвонят. Дело в том, что я заключил сделку с мистером Николасом Лоссеффом, знатоком пуговиц, пока он, сидя за своим столом, уминал салями и сыр с черным хлебом и маринованными огурчиками. Ему досталась вожденная пуговица из конского волоса, которую я срезал с комбинезона, и мое твердое обещание по окончании расследования рассказать все о ее происхождении. Я же получил разрешение сперва позвонить по телефону, а потом в течение неограниченного времени дожидаться ответного звонка, после чего, в случае необходимости, использовать его кабинет для беседы. Звонил я в агентство по временному трудоустройству. Предвидя, что мне придется убить уйму времени, я по дороге купил четыре журнала и пару книжек в мягкой обложке, в том числе «Только его облик» Ричарда Вэлдона.

До него я, правда, так и не добрался, а вот журналы проштудировал от корки до корки и уже наполовину прочитал первую книжку, короткие рассказы про Гражданскую войну, когда мне наконец позвонили. Я кинул взгляд на часы – четверть шестого. Та самая женщина, которая еще в среду с ходу поняла, что меня интересует, предложила мне сесть на ее стул, но я предпочел говорить стоя.

– Гудвин слушает.

– Это Энн Тензер. Мне передали, чтобы я позвонила в компанию «Только новые пуговицы» и попросила мистера Гудвина.

– Все верно. Я и есть тот самый Гудвин. – (Ее голосок звучал столь робко, что я решил в противовес ей придать своему голосу больше мужественности и деловитости.) – Я бы очень хотел встретиться с вами. Мне кажется, вам известно кое-что об одной весьма оригинальной разновидности пуговиц.

– Мне? Да я в пуговицах вообще ничего не смыслю.

– А вот я так не думаю, – возразил я. – По меньшей мере в отношении этих конкретных пуговиц. Они изготовлены вручную из белого конского волоса.

– А-а. – (Молчание.) – Но каким образом... То есть вы хотите сказать, что в вашем распоряжении есть такие пуговицы?

– Совершенно верно. А могу я спросить, где вы сейчас находитесь?

– В телефонной будке на углу Мэдисон-авеню и Сорок девятой улицы.

Судя по ее голосу, я произвел на нее впечатление.

---

³ Отсылка к роману Р. Стаута «Даже в лучших домах».

– Тогда, полагаю, вам не слишком удобно встретиться со мной в моем офисе на Тридцать девятой улице. А как насчет отеля «Черчилль»? Он от вас буквально в двух шагах. А я доберусь до него за двадцать минут. Мы с вами пропустим по рюмочке и сможем без помех побеседовать о пуговицах.

– Что ж, если вам это настолько интересно...

– О да. Знаете голубой альков в холле?

– Да.

– Я буду там через двадцать минут. Без шляпы, с бумажным пакетом в руке и с бело-зеленой орхидеей в петлице.

– С орхидеей? Но ведь мужчины орхидеи не носят!

– Я ношу, а меня еще никто не называл женщиной. Или вы сомневаетесь?

– Посмотрю на вас, потом скажу.

– Очень разумно. Ладно, уже бегу.

Глава 5

Света за угловым столиком в баре «Адмирал» было немного, зато в ярко освещенном холле отеля «Черчилль» я сумел ее как следует рассмотреть. Беатрис Эппс несколько не преувеличила, сказав, что Энн Тензер одного роста и телосложения с ней, но на этом всякое сходство заканчивалось. То, что Энн Тензер ничего не стоило пробудить у некоторых мужчин чувство, которое является главным фактором для продолжения рода, сразу бросалось в глаза. Она по-прежнему была блондинкой, однако не козыряла этим. В силу отсутствия надобности. Она сидела напротив меня, потягивая «Кровавую Мэри» и всем своим видом показывая полное безразличие к происходящему.

С главным вопросом мы покончили за десять минут. Я объяснил, что компания «Только новые пуговицы» специализируется на редких и необычных пуговицах, а некто из бывших сослуживцев Энн рассказал мне о том, как однажды увидел весьма необычные пуговицы на ее блузке, поинтересовался ими, а в ответ услышал, что они изготовлены вручную из белого конского волоса. Энн подтвердила это и добавила, что ее тетка много лет делала такие пуговицы просто ради собственного удовольствия и как-то раз подарила ей полдюжины на день рождения. Все эти пуговицы у нее до сих пор сохранились. Пять – на блузке, а шестую она куда-то припрятала. Энн не попросила показать пуговицы, о которых я упомянул в телефонном разговоре. Я поинтересовался, не знает ли она, много таких пуговиц еще у ее тетки и не собирается ли та их продавать, но в ответ услышал, что пуговиц, скорее всего, немного, поскольку на изготовление только одной уходит целый день. Тогда я спросил, не станет ли она возражать, если я навещу ее тетку, и Энн ответила, что, разумеется, нет, и продиктовала фамилию и адрес: мисс Эллен Тензер, Рурал-Рут, 2, Махопак, Нью-Йорк. Заодно дала и номер телефона.

Выяснив, где найти тетю, я решил рискнуть и пойти напролом с ее племянницей. Да, игру я затеял опасную, но зато в случае удачи мог серьезно упростить свою задачу. Итак, обольстительно улыбнувшись, я произнес:

– Я не все рассказал вам, мисс Тензер. Дело в том, что я не только слышал о существовании этих пуговиц, но и видел их. У меня с собой есть несколько штук. – Я вытащил из пакета детский комбинезон и разложил на столе. – Всего их было четыре, но две пришлось срезать и отдать на исследование. Видите?

Ее реакция частично развеяла мои подозрения. Конечно, она вовсе не доказывала, что Энн не рожала детей и не подбрасывала младенца Люси Вэлдон, однако кое-какие выводы сделать мне позволила. В частности, если ребенка подкинула все-таки она, то не знала, что он одет в голубой вельветовый комбинезон с белыми пуговицами из конского волоса, что, согласитесь, уже выглядит весьма сомнительным.

Энн взяла комбинезон, внимательно осмотрела пуговицы и вернула его мне со словами:

– Да, без сомнения, эти пуговицы изготовила тетя Эллен. Либо это чрезвычайно искусная подделка. Только не говорите, что, по словам вашего осведомителя, я была на работе в этой одежде. Она мне маловата.

– Пожалуй, – кивнул я. – Вообще-то, я показал вам эту вещицу просто в знак признательности за вашу любезность, посчитав, что она вас позабавит. Если вам интересно знать, откуда у меня этот комбинезон, то я готов рассказать.

Энн Тензер покачала головой:

– Это ни к чему. У меня много недостатков, и один из них заключается в том, что мало значащие вещи никогда не вызывают у меня любопытства. Мало значащие для меня. Вы понимаете, что я хочу сказать? Вас ведь, наверное, только пуговицы интересуют. Кстати, не слишком ли много времени мы их обсуждаем?

– Да, вы правы. – Я убрал комбинезон в пакет. – Я прекрасно вас понимаю. Меня тоже интересуют лишь те вещи, которые для меня что-то значат. И не только вещи, но и люди. В данный миг, например, меня очень интересуете вы. Какие функции возложены на вас в вашем офисе?

– О, весьма необычные. Я секретарша высшей квалификации. Когда чья-нибудь личная секретарша выходит замуж, берет отпуск либо получает расчет из-за ревности, которую питает к ней жена босса, а подменить ее некому, то я тут как тут. Кстати, у вас есть секретарша?

– А как же. Ей восемьдесят лет, она никогда не берет отпуск, наотрез отказывается выходить замуж, а ревнивой женой я не обзавелся. А вы замужем?

– Нет. Была, правда, в течение года, который показался мне вечностью. Выскочила замуж по глупости, но больше такую ошибку не повторю.

– Не скучно ли вам служить секретаршей в разных конторах? Может, стоит для разнообразия поступить на службу к крупному ученому, президенту колледжа или даже к писателю? Представляете, как интересно работать бок о бок со знаменитым писателем! Вам никогда не приходило в голову попробовать?

– Нет, – покачала головой Энн. – К тому же, я думаю, у них уже есть секретарши.

– Разумеется.

– Среди ваших знакомых писатели есть?

– Я знаю только одного человека, который написал книгу про пуговицы, но его при всем желании трудно отнести к знаменитостям. Еще по стаканчику?

Энн не отказалась. Меня пить не тянуло, но признаваться в этом я не стал. Понимая, что больше от нее сейчас ничего не добиться, я уже подумывал о том, как дать деру, однако она могла пригодиться нам в будущем, поэтому я решил потерпеть. Вдобавок я всем своим видом изображал, что она произвела на меня впечатление, а потому было бы верхом невежливости внезапно вспомнить про неотложную встречу. Другая причина, если вам таковая требуется, состояла в том, что общаться с Энн было одно удовольствие, а если в своих поступках вы должны «действовать, руководствуясь собственным опытом и интеллектом», то в данном случае как раз опыт и приобретался. По всему чувствовалось, что, пригласи я Энн пообедать со мной, мое приглашение будет принято, однако тогда мне придется потратить на нее целый вечер, да и по бюджету Люси Вэлдон удар будет нанесен существенный.

Домой я вернулся в начале восьмого и, войдя в кабинет, обнаружил, что должен извиниться перед Вулфом. Он перечитывал «Только его облик». На глазах у меня он закончил абзац и, поскольку время близилось к обеду, положил в книгу закладку и положил томик на стол. Вулф никогда не загибает углы страниц у книги, которая удостоивается места на его книжной полке. С другой стороны, мне приходилось неоднократно наблюдать, как поначалу, читая очередную книгу, Вулф пользовался закладкой, а затем все-таки начинал загибать уголки.

Прочитав в его взгляде вопрос, я решил не тянуть с ответом. Дословный отчет Вулф обычно требует лишь в тех случаях, когда иначе нельзя, поэтому на сей раз я ограничился простым перечислением фактов. Ясное дело, не умолчав о том, как Энн Тензер среагировала на комбинезон. Когда я закончил, Вулф пробурчал:

– Приемлемо. – Потом, похоже, решил, что я заслуживаю большего. – Весьма приемлемо.

– Да, сэр, – поспешил согласиться я. – Пожалуй, я не стану отказываться от прибавки к жалованью.

– Не сомневаюсь. Разумеется, ты рассматривал возможность, что мисс Тензер прочитала наше объявление и, понимая, что ты выдаешь себя за другого, сама водила тебя за нос.

– Готов биться об заклад, что объявления она не видела. Она не пыталась выпросить, что мне нужно, а в сообразительности ей не откажешь.

– Где находится Махопак?

– Шестьдесят миль к северу. Округ Патнам. Могу что-нибудь перехватить на кухне и поспеть туда к девяти вечера.

– Нет. До утра это терпит. Поумерь свой пыл. – Вулф метнул взгляд на настенные часы. До прихода Фрица, возвещающего о том, что обед готов, оставались считанные минуты. – Ты можешь вызвать Сола?

– А зачем? – удивился я. – Я ведь не говорил, что уволюсь, если не получу прибавки. Я сказал только, что не стану от нее отказываться.

– А я сказал, что не сомневаюсь в этом, – проворчал Вулф. – В Махопак ты поедешь утром. А Сол тем временем выяснит, чем мисс Тензер, племянница, занималась в январе. Могла ли она произвести на свет этого младенца? Ты считаешь, что нет, а я хочу, чтобы Сол узнал наверняка... – Вулф повернул голову.

На пороге кабинета стоял Фриц.

Раз уж речь зашла о Соле, то я, пожалуй, расскажу о нем поподробнее. Среди троих сыщиков-фрилансеров, к услугам которых мы время от времени прибегаем, Сол Пензер стоит особняком. Более того, из сыскальной братии во всем Большом Нью-Йорке ему никто и в подметки не годится. Вот почему, несмотря на исключительно высокую ставку – десять долларов в час, – его буквально заваливают предложениями о работе. Так что в том случае, когда вам понадобится сыщик, причем не завалящий, а второй среди лучших, смело обращайтесь к Солу Пензеру и будьте понастойчивее. Потому что услуги лучшего из лучших – Ниро Вулфа – обходятся много дороже десяти долларов в час.

Итак, пятничным утром, необычно ясным и солнечным даже для начала июня, я катил по Сомилл-Ривер-парквей в седане «херон», который купил Вулф, но водил я. Настроение у меня было беззаботное, поскольку проверку Энн Тензер поручили Солу. В случае необходимости он выяснит, например, где и во сколько она ходила на ланч семнадцатого января, причем вне зависимости от того, вспомнит ли об этом хоть кто-нибудь, да еще ухитрившись не возбудить при этом ничьих подозрений. Возможно, я и преувеличиваю, но он, несомненно, чей-то седьмой сын, которому самой судьбой было предназначено стать чародеем.

В 10:35 я подъехал к автозаправочной станции на окраине Махопака, выбрался из «херона» и спросил у механика, который протирал ветровое стекло какого-то автомобиля, не знает ли он, где живет мисс Эллен Тензер. Тот сказал, что не знает, и порекомендовал обратиться к боссу. Я зашел в помещение и отыскал босса, который выглядел почти вдвое моложе своего наемного работника, но не только знал, где живет Эллен Тензер, но и подробно объяснил, как ее найти. По его тону и поведению можно было предположить, что про нее ему вообще известно все на свете и он готов поделиться со мной своими познаниями, но я спрашивать не стал. Довольно полезная привычка – спрашивать лишь о том, что действительно необходимо.

Еще одна глава в книге, которую я так и не напишу, будет посвящена тому, как правильно объяснять дорогу. После церкви я, следуя указаниям босса, свернул направо, но примерно через милю меня подстерегала развилка, о которой он не упомянул. Я остановился, выбрался из машины, извлек из кармана монетку в четверть доллара, увидел, что она лежит орлом, и покатил налево. Таким образом вы снимаете с себя ответственность за принятие случайного решения. Монета оказалась права: еще через милю я сперва увидел мост, о котором говорил босс, а еще дальше – тупик, перед которым я взял вправо. Вскоре асфальтовое покрытие закончилось, и я выехал на извилистую проселочную дорогу, проложенную посреди леса. А еще через полмили я увидел с левой стороны почтовый ящик мисс Эллен Тензер. Я свернул на узкую подъездную дорожку с колеями, постарался не врезаться в деревья и подкатил к источнику пуговиц из белого конского волоса. Вылезая из седана, я оставил пакет с комбинезоном в бардачке, решив, что в случае необходимости лучше вернусь за ним.

Я огляделся. Кругом, куда ни кинь взгляд, простирался лес. Лично мне не по нутру, когда деревьев так много и растут они на таком близком расстоянии от дома. Сам участок был всего

шагов шестьдесят в длину и около сорока в ширину, а на покрытом гравием развороте с трудом мог развернуться один автомобиль. Подъемная дверь гаража на одну машину была открыта, и там стоял седан «рамблер». Гараж сообщался с одноэтажным домом, обшитым вертикальными белыми досками. Краска была свежей, да и сам дом и весь участок с цветочными клумбами выглядели ухоженными и опрятными. Я направился к двери, но не успел ступить на крыльцо, как она распахнулась.

Главный недостаток отсутствия на голове шляпы состоит в том, что ее нельзя снять перед невысокой миловидной дамой средних лет. Впрочем, возможно, даже больше чем средних. Глаза у седовласой дамы были серые, умные и живые. В ответ на мой вопрос: «Вы мисс Элен Тензер?» – она кивнула и спросила, чем обязана.

– Меня зовут Арчи Гудвин, – начал я. – Конечно, мне следовало предварительно позвонить, чтобы договориться о встрече с вами, но я с радостью воспользовался предложением, чтобы в погожий денек прокатиться по столь живописным окрестностям. Моя работа связана с пуговицами, как, по-видимому, и ваша... Хотя в вашем случае речь должна идти скорее не о работе, а о хобби. Я хотел бы поговорить с вами о пуговицах из конского волоса, которые вы изготавливаете. Могу я войти?

– А почему вас интересуют именно эти пуговицы?

Эта фраза прозвучала несколько фальшиво. Куда более естественно с ее стороны было бы спросить, откуда я знаю, что она изготавливает такие пуговицы. Или кто мне об этом рассказал.

– По-видимому, – осторожно произнес я, – вам было бы куда приятнее узнать от меня, что я коллекционирую эти пуговицы как предметы искусства, однако, как я сказал, моя работа непосредственным образом связана с необычными пуговицами. Я надеялся, что мне удастся приобрести у вас образцы вашей продукции. Я готов заплатить за них хорошие деньги. Причем наличными.

Серые глаза скользнули по «херону», потом вернулись ко мне.

– У меня их совсем немного. Всего семнадцать.

Ее по-прежнему не интересовало, откуда я про них узнал. Возможно, она, подобно своей племяннице, интересовалась исключительно вещами, которые что-то значили для нее лично.

– Для начала достаточно и семнадцати, – сказал я и тут же добавил: – Вас не затруднит дать мне стакан воды?

– Нисколько.

Мисс Элен Тензер отступила и прошла налево, в кухню, а я, воспользовавшись этим, прошмыгнул в прихожую. Зрение у меня прекрасное, и мне ничего не стоит опознать с шести ярдов предмет, который я уже видел прежде, по крайней мере весьма на таковой похожий. Предмет этот лежал на столе между двумя окнами у противоположной от меня стены и заставил меня кардинальным образом изменить заранее намеченный план. Если до сих пор я считал вполне возможным и даже вероятным, что она могла давным-давно подарить эти пуговицы кому-нибудь и напрочь позабыть об их существовании, то теперь мое мнение резко переменялось. Если такая возможность и существовала, то лишь самая ничтожная.

Не желая показать мисс Элен Тензер, что заметил нечто важное, я прошествовал следом за ней в кухню. Она набрала в стакан воды из-под крана и протянула мне. Я отпил, кивнул и сказал:

– Хорошая водичка. У вас, наверное, глубокий колодец.

Она оставила мои слова без ответа. Возможно, так задумалась, что не расслышала. Как бы то ни было, она спросила:

– Каким образом вы узнали, что я делаю такие пуговицы?

Акценты расставлены неверно, да и сам вопрос задан с опозданием. Спроси она меня чуть раньше, пока я не заметил лежащего на столе предмета, я бы ответил так, как было задумано. Теперь же я допил воду, поставил пустой стакан на стол и сказал:

– Спасибо большое. Вода у вас замечательная. Каким образом я узнал – история довольно долгая и запутанная, да и потом, какое это имеет значение? Могу я взглянуть на пуговицы?

– Я же сказала, у меня их всего семнадцать.

– Я понимаю, но все-таки хотел бы...

– Как, говорите, вас зовут?

– Гудвин. Арчи Гудвин.

– Вот что, мистер Гудвин, воду вы выпили, а теперь ступайте, пожалуйста, своей дорогой.

– Но послушайте, мисс Тензер, я отмахал шестьдесят миль, чтобы...

– Да хоть шестьсот миль! Меня это не волнует, молодой человек. Я не покажу вам пуговицы, и нам не о чем беседовать с вами.

Именно этого я и добивался, хотя ей, разумеется, об этом не сказал. В ближайшем будущем, надеялся я, все сложится так, что она будет вынуждена рассказать про эти пуговицы все, что знает, но пока было бы ошибкой настаивать на своем. Для виду я, правда, еще немного поломался, но мисс Тензер и слушать меня не желала. Я еще раз поблагодарил ее за воду и ушел. Я развернулся и поехал по проселочной дороге, а в голове крутилась мысль: если бы у меня в машине было подходящее оборудование, если бы сейчас было темно, если бы я не боялся получить срок, то немедленно подключился бы к ее телефонной линии.

А телефон мне был сейчас и правда очень нужен. Миновав церковь, я увидел будку возле автозаправочной станции. Не прошло и пяти минут, после того как я покинул мисс Эллен Тензер, а я уже просил телефонистку соединить меня с номером, который лучше всего знал. Шел двенадцатый час, и я ожидал, что Вулф снимет трубку сам.

Так и вышло.

– Да? – послышался знакомый рык.

Нет, никогда он не научится отвечать как положено.

– Это я. Из Махопака. Звоню из телефона-автомата. Сол звонил?

– Нет.

– Значит, позвонит около полудня. Желательно, чтобы вы отправили его сюда. Племянница подождет. Тетка знает, кто надел на ребенка комбинезон.

– Вот как? Она сама это сказала?

– Нет. Три довода за. Во-первых, она задавала неправильные вопросы. Во-вторых, нервничалась и выставила меня за дверь. В-третьих, на столе под фруктовой вазой лежала вчерашняя «Таймс». Мисс Тензер не знает, что я заметил газету. Она была сложена, но наверху страницы я разглядел заголовок «Дженсен выступает против». Наше объявление размещено как раз на этой странице. Следовательно, объявление она видела, однако ни словом об этом не обмолвилась, хотя я сразу заявил, что интересуюсь пуговицами из конского волоса. Когда же она наконец задала правильный вопрос, то облекла его в неверную форму. Спросила, каким образом я узнал, что она делает эти пуговицы. С таким же успехом она могла спросить, каким образом Ниро Вулф так быстро получил ответ на свое объявление. Потом она с опозданием сообразила, что ведет себя неправильно, и указала мне на дверь. Ставлю двадцать против одного, что не она мать мальчика. Если шестидесяти ей еще нет, то едва-едва. Но ставлю сорок против одного, что ей известно, во что был одет ребенок. По меньшей мере. Может, опять скажете, чтобы я поумерил свой пыл?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.